

ΠΡΟΛΟΓ

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, но у меня вышло иначе.

Если честно, мне всегда казалось, что все эти истории с последним мгновением, мысленным сканированием жизни звучат довольно зловеще. Кто старое помянет, тому глаз вон, как любит повторять моя мама. Я бы, например, лучше не вспоминала весь пятый класс (эпоху очков и розовых брекетов), и разве кому-нибудь захочется пережить заново первый день в промежуточной школе? А нудные семейные вылазки, бессмысленные уроки алгебры, менструальные спазмы и слюнявые поцелуи я и в первый-то раз с трудом вытерпела...

Хотя я бы не отказалась заново пережить лучшие мгновения: когда на вечере встречи выпускников мы с Робом Кокраном впервые обжимались посреди танцпола и все видели, что мы вместе; когда в мае мы с Линдси, Элоди и Элли напились и делали «снежных ангелов», оставляя здоровенные отпечатки на лужайке Элли; когда на вечеринке в честь моего шестнадцатилетия мы зажгли на заднем дворе сотню греющих свечей и танцевали на столе; когда на Хеллоуин мы с Линдси подшутили над Кларой Сьюз и за нами погнались копы, а мы так хох-*

* Чтобы получить «снежного ангела», нужно лечь спиной на снег и сдвигать и раздвигать руки и ноги. Получившийся отпечаток будет напоминать ангела в длинном одеянии и с крыльями. (Здесь и далее примечания переводчика.)

тали, что нас едва не вывернуло,— то, что я хотела бы запомнить, то, чем мне хотелось бы запомниться.

Но перед смертью я не думала о Робе или о каком-нибудь другом парне. Не думала о наших с подругами возмутительных выходках. Даже о семье не думала, или о том, как утренний свет окрашивает стены моей спальни в сливочный оттенок, или как пахнут в июле азалии за моим окном — корицей и медом.

Вместо этого я подумала о Вики Халлинан.

А именно о случае в четвертом классе, когда на физкультуре Линдси заявила перед всеми, что не возьмет Вики играть в «вышибалу». «Она слишком толстая, — выпалила Линдси, — в нее можно попасть с закрытыми глазами». Тогда еще я не дружила с Линдси, но она уже выдавала чертовски забавные фразы, и я засмеялась вместе со всеми, а лицо Вики стало пурпурным, подобно изнанке грозового облака.

Вот что я вспомнила в мгновение перед смертью, когда мне полагалось узнать нечто потрясающее о своем прошлом: запах лака и скрип наших кроссовок по полированному полу; тесноту моих полиэстровых шортов; гулкое эхо в большом, пустынном спортивном зале, как будто хохотало не двадцать пять человек, а намного больше. И лицо Вики.

Странно то, что я сто лет об этом не думала. И даже не догадывалась, что такое есть в моей памяти, если вы понимаете, о чем я. Не то чтобы Вики получила психологическую травму или типа того. Дети постоянно поддевают друг друга. Невелика важность. Всегда кто-то смеется и над кем-то смеются. Это происходит каждый день, в каждой школе, в каждом американском городке — и даже, по-моему, во всем мире. Весь смысл взросления — научиться оставаться среди тех, кто смеется.

Прежде чем я упаду

На самом деле Вики была не такой уж толстой, просто у нее были по-детски пухлые щеки и животик, а перед средней школой она и вовсе похудела и выросла на три дюйма. Она даже подружилась с Линдси; они вместе играли в хоккей на траве и здоровались в коридорах. Как-то в девятом классе Вики устроила вечеринку, мы все здорово напились и хохотали что есть мочи, особенно Вики, пока ее лицо не стало почти таким же пурпурным, как много лет назад в спортивном зале.

Это была странность номер один.

Еще более странным было то, что мы только это и обсуждали — в смысле, как все будет перед смертью. Не помню, как мы перешли на эту тему, помню только, Элоди пожаловалась, что я всегда сижу рядом с водителем, и отказалась пристегнуть ремень; она перегнулась за айподом Линдси, хотя права диджея принадлежали мне. Я попыталась объяснить свою теорию предсмертных «лучших мгновений», и каждый начал предлагать подходящие варианты. Линдси, разумеется, пожелала еще раз узнать, что ее зачислили в Дьюк. Элли, которая, как обычно, жаловалась, что ей холодно, и угрожала умереть на месте от пневмонии, успела сообщить, что хочет целую вечность длить свою первую свиданку с Мэттом Уайльдом, и это никого не удивило. Линдси и Элоди курили, и через приоткрытые окна залетал ледяной дождь. Дорога была узкой и извилистой; по обе стороны деревья размахивали темными голыми ветвями, будто ветер пустил их в пляс.

Элоди поставила песню «Splinter» группы «Фэлласи», чтобы позлить Элли, возможно устав от ее нытья. Это была песня Элли с Мэттом, который бросил ее в сентябре. Элли назвала Элоди суккой, отстегнула ремень, наклонилась вперед и попыталась выхватить айпод. Линдси

Лорен Оливер

возмутилась, что кто-то ткнул ее локтем в шею; сигарета выпала у нее изо рта и приземлилась между ног. Громко ругаясь, Линдси стала смахивать пепел с подушки сиденья, Элоди и Элли дрались, а я пыталась помирить их, напоминая, как мы делали «снежных ангелов» в мае. Покрышки скользили по мокрой дороге, в автомобиле было полно сигаретного дыма, его клубы парили в салоне подобно привидениям.

А потом вдруг впереди вспыхнуло белое пламя. Линдси что-то завопила — я не разобрала слово, не то «тихо», не то «лихо», не то «ослиха», — и машина полетела с дороги прямо в черную пасть леса. Я услышала жуткий звук — скрежет железа по железу и звон стекла — и ощутила запах гари. Машина вдребезги. Я еще успела озадачиться вопросом, потушила Линдси сигарету или нет.

Затем из прошлого всплыло лицо Вики Халлинан, и вокруг закружился гулкий смех, переходящий в визг.

И после — ничего.

Понимаете, суть в том, что вы не знаете заранее. Не пробуждаетесь с дурным предчувствием. Не видите теней в ясный полдень. Забываете сказать родителям, что любите их, или, как в моем случае, вообще забываете с ними попрощаться.

Если вы похожи на меня, вы просыпаетесь за семь минут и сорок семь секунд до того, как за вами должна заехать лучшая подруга. Вы слишком переживаете, сколько роз получите в День Купидона, и потому успеваете только одеться, почистить зубы и взмолиться, чтобы косметичка оказалась на дне сумки и вы сумели накраситься в машине.

Если вы похожи на меня, ваш последний день начинается так...

ΓΛΑΒΑ 1

— Бип-бип! — кричит Линдси.

Пару недель назад моя мама наорала на нее за то, что она жмет на гудок в шесть пятьдесят пять каждое утро, и Линдси придумала этот трюк.

— Иду! — откликаюсь я, хотя она прекрасно видит, как я вываливаюсь из передней двери, одновременно натягивая куртку и запихивая в сумку скоросшиватель.

В последний момент меня ловит Иззи, моя восьмилетняя сестра.

— Что? — вихрем оборачиваюсь я.

У Иззи, как и положено младшей сестре, есть встроенный радар, с помощью которого она определяет, что я занята, опаздываю или болтаю по телефону со своим парнем. И тогда она сразу начинает меня доставать.

— Ты забыла перчатки, — сообщает она.

Вообще-то у нее получается: «Ты забыла перфятки». Она отказывается посещать логопеда и лечиться от шепелявости, хотя все одноклассники над ней смеются. Сестра утверждает, что ей нравится так говорить.

Я забираю у нее перчатки. Они кашемировые, и сестра наверняка перемазала их арахисовым маслом. Вечно она копается в банках с этой дрянью.

— Сколько можно повторять, Иззи? — Я тыкаю ее пальцем в лоб. — Не трогай мои вещи.

Она хихикает как идиотка, и я вынуждена затолкать ее в дом и закрыть дверь. Если дать ей волю, она будет таскаться за мной весь день как собачка.

Когда я наконец выметаюсь из дома, Линдси свешивается из окна Танка — это прозвище ее машины, огромного серебристого «рейнджровера». (Всякий раз, когда мы катаемся в нем, кто-нибудь обязательно произносит фразу: «Это не машина, а целый грузовик», а Линдси уверяет, что может столкнуться лоб в лоб со здоровенной фурой и не получить ни царапинки.) По-настоящему свои машины есть только у нее и у Элли. Машина Элли — миниатюрная черная «джетта», мы называем ее Крошкой. Иногда я одалживаю у мамы «аккорд»; бедняжке Элоди приходится довольствоваться старым желтовато-коричневым отцовским «фордом таурус», который уже почти не заводится.

Воздух ледяной и неподвижный. Небо светло-синее без единого пятнышка. Солнце только взошло, слабое и водянистое, как будто с трудом перевалило через горизонт и ленится умыться. Позже обещали метель, но кто знает.

Я забираюсь на пассажирское сиденье. Линдси уже курит и указывает сигаретой на кофе «Данкин донатс», купленный специально для меня.

- Рогалики? — спрашиваю я.
- На заднем сиденье.
- С кунжутом?
- Ясное дело.

Она трогается с подъездной дорожки и еще раз оглядывает меня.

- Симпатичная юбка.
- У тебя тоже.

Прежде чем я упаду

Линдси кивает, принимая комплимент. На самом деле у нас одинаковые юбки. Два раза в год мы с Линдси, Элли и Элоди нарочно одеваемся одинаково: в День Купидона и в Пижамный день на Неделе школьного духа, потому что на прошлое Рождество купили чудесные комплекты в «Виктория секрет». Мы три часа проспорили, розовые или красные наряды выбрать — Линдси терпеть не может розовый, а Элли только в нем и живет, — и наконец остановились на черных мини-юбках и топиках с красным мехом, которые откопали в распродажной корзине в «Нордстроме».

Как я уже сказала, только в эти два дня мы нарочно одеваемся одинаково. Хотя, если честно, в нашей средней школе «Томас Джефферсон» все выглядят более или менее одинаково. Официальной формы нет — это муниципальная школа, — но все равно на девяти из десяти учениках джинсы «Севен», серые кроссовки «Нью беланс», белые футболки и цветные флисовые куртки «Норт фэйс». Даже парни и девушки одеваются одинаково, разве что у нас джинсы поуже и волосы мы укладываем каждый день. Это Коннектикут, здесь самое главное — не выделяться.

Я не утверждаю, что в нашей школе нет чудачков, — конечно есть, но даже они чудачковаты на один лад. Экогики ездят в школу на велосипедах, носят одежду из конопля и никогда не моют голову, как будто дреды помогают сократить выброс парниковых газов. Примадонны таскают большие бутылки лимонного чая, кутаются в шарфы даже летом и не общаются с одноклассниками, потому что «берегут голос». У членов Математической лиги всегда в десять раз больше книг, чем у остальных, они не брезгают использовать свои шкафчики и всегда насторожены, словно ждут крика «фу!».

Вообще-то мне плевать. Иногда мы с Линдси строим планы, как сбежим после выпуска и вломимся в нью-йоркский лофт, где обитает татуировщик, с которым знаком ее сводный брат, но в глубине души мне нравится жить в Риджвью. Это успокаивает, если вы понимаете, о чем я.

Линдси водит не особо аккуратно, любит выворачивать руль, останавливаться ни с того ни с сего, а потом давить на газ. Я подаюсь вперед, пытаюсь накрасить ресницы и не выколоть себе глаз.

— Патрик пожалеет, если не пришлет мне розу,— обещает Линдси.

Она пролетает мимо одного знака остановки и чуть не ломает мне шею, резко тормозя возле следующего. Патрик — ее блудный бой-френд. С начала учебного года они рекордные тринадцать раз расстались и помирились.

— Мне пришлось сидеть рядом с Робом, пока он заполнял заявку.— Я закатываю глаза.— Прямо раб на плантации!

Мы с Робом Кокраном встречаемся с октября, но я влюбилась в него еще в шестом классе, когда он был слишком крутым, чтобы со мной общаться. Роб — моя первая любовь, по крайней мере первая настоящая любовь. В третьем классе я целовалась с Кентом Макфуллером, но это явно не считается, мы только обменялись колечками из одуванчиков и поиграли в мужа и жену.

— В прошлом году я получила двадцать две розы.— Линдси щелчком отправляет окурок в окно и наклоняется глотнуть кофе.— На этот раз должно быть двадцать пять.

Каждый год перед Днем Купидона ученический совет ставит у спортивного зала кабинку. В ней за два доллара

Прежде чем я упаду

продаются валограммы* для друзей — розы с маленькими записочками,— их затем разносят купидоны (обычно девятиклассницы или десятиклассницы, которые липнут к старшеклассникам).

— Мне хватит и пятнадцати,— замечаю я.

Очень важно, сколько роз ты получишь. По количеству цветков в руках легко определить, кто популярен, а кто нет. Плохо, если тебе досталось меньше десяти, и совсем унижительно, если меньше пяти,— обычно это значит, что ты урод или тебя никто не знает. Либо и то и другое вместе. Иногда ребята подбирают упавшие розы и добавляют в свои букеты, но это всегда заметно.

— Ну? — косится на меня Линдси.— Ты волнуешься? Большой день. Ночь открытия.— Она смеется.— Извини за каламбур.

— Ерунда.

Я пожимаю плечами, отворачиваюсь к окну и гляжу, как стекло запотеваает от дыхания.

Родители Роба уезжают на выходные, и пару недель назад он предложил мне остаться у него на всю ночь. Было ясно, что на самом деле он хочет секса. Несколько раз мы были на грани, но на заднем сиденье «БМВ» его отца, в чужом подвале или в моей берлоге, пока родители спали наверху, мне всегда становилось не по себе.

Так что когда он предложил остаться на ночь, я согласилась без размышлений.

Линдси верещит и бьет ладонью по рулю.

— Ерунда? Ты серьезно? Моя детка выросла.

— Я тебя умоляю.

* Валограмма — видимо, неологизм, образованный при помощи слов «Валентин» и «телеграмма».